

Журнал «Огонек»

№1, 1959

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Ж92

Ж92 Журнал «Огонек»: №1, 1959 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 40 с.

ISBN 978-5-458-70144-0

«Огонёк» — российский и советский общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный еженедельный журнал. С 1923 года выходит в Москве. Первый номер журнала вышел в свет 9 декабря (21 декабря по новому стилю) 1899 года как еженедельное иллюстрированное литературно-художественное приложение к газете «Биржевые ведомости», издателя Станислава Проппера. В 1918 году выпуск журнала прекратился и был возобновлен стараниями Михаила Кольцова в 1923 году. До 1940 года — выходило 36 номеров в год, с 1940 года — еженедельник. В советское время журнал выпускался издательством «Правда», в котором, как приложение к журналу с 1946 года, также выходила «Библиотека „Огонька“» — собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков.

ISBN 978-5-458-70144-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Председатель артели Иван Антонович Денисенков разъясняет общему собранию значение перехода на денежную систему оплаты труда.

кольском говорили уже и год назад. А вот пленум вновь разбудил эти мысли, и не только разбудил, а и привел в действие.

Захожу в правление колхоза к председателю артели Ивану Антоновичу Денисенкову. В правлении тоже «завозно». Тут много людей сидят за какими-то подсчетами, сам председатель обложился выкладками, справочниками — работает. Здравается, протянув руку через стол, и не отрываясь от бумаг, просит поменять, а потом не выдерживает, отодвигает бумаги и говорит:

— Ну, садитесь, потолкуем. Наконец и мы укрепились в своем решении.

— В каком же?

— А переходим по всем брига-

дам на хозрасчет и на денежную оплату труда. Год думали-гадали, все как-то боязно было. А вот пленум подтолкнул, решились. И что же получается? Хорошо получается. Нормы выработки и денежные расценки составлены так, что один вид работы повлечет за собой выполнение другого вида работы, а от этого будут расти и товарное производство и доходы колхозников...

И, раздвинув еще шире в стороны бумаги на столе, продолжал:

— Едва только мы начали эту работу, как наши животноводы решили отказаться от зеленого летнего конвейера, то есть от стойлового содержания коров летом и кормежки их зелеными кормами, главным образом за счет полей. А почему? Дорого обходится молоко! Теперь они решают вопрос так: подсеивать хорошими травами выпасы и все лето брать зеленый корм для дой-

ных коров не с полей, а с лугов. Вот вам уже вытягивается на свет забытый нами вопрос — забота о лугах, о луговодстве. К тому же двенадцать человек и два трактора освобождаются от работы над зеленым конвейером, люди пойдут работать на поля, а корма, что они вырастят на пашне, пойдут на зиму.

Иван Антонович долго еще рассказывал о выгодах такой системы работы, приводил примеры и кончил так:

— Найдем, конечно, пути, чтобы и хлеб у нас был дешевле и чтобы много его было. Но что мы уже имеем, что нашли, — это правильное руководство колхозной нашей жизнью, которое дает нам партия. А это уже много, очень много!

Он вновь занялся своими бумагами, а я отхожу к столу, где работает счетовод Люся Онищенко. К ней подсел пчело-

Потом обсуждается вопрос об оплате труда, долго зачитывается список норм выработки, денежных расценок, принимаются обязательства по всем отраслям хозяйства. Длиннен этот список работ, предусмотрено в нем все — от поделки саней и грабель и работ плотницких бригад до выращивания урожаев хлебов, льна, надоев молока, роста поголовья скота на каждые сто гектаров, — и люди слушают его с вниманием.

И вот прения. Говорят о том, какие задачи встали перед колхозом, о том, как повышать урожайность, что для этого делать.

— Вот рожь, — кто-то заявляет из зала, — самая наша смоленская культура. Брали мы урожаи когда-то и по пятнадцати и по восемнадцати центнеров с гектара, брали и по двадцати. Да постои-лись наши поля! Берем пять, шесть, много — десять центнеров с гектара. Надо землю напитать.

вод Иван Федорович Пушненко, терпит ее вопросы:

— Ну-ка, ну-ка, скажи, деваха, а пчелко-то не забыли, пастыря-то ихнего не обошли?

Свинарка Елизавета Андреевна Симонова ворчит на него:

— Да не мешал бы ты ей работать! Не обошли, не обошли тебя, пчелиный бригадир! Меня со свинками не обошли, останусь не в накладе, а тебя нешто обой-дешь? Опасный, ужалишь.

— Нет, ты постой, постой! Свинки твои — дело государственное. О них вон и на пленуме речь идет. А вот про пчелку не слышал. Может быть, нам, пчеловодам, и внимания не требуется?

Но скоро он уходит от стола счетовода вполне удовлетворенный, когда Люся сообщает ему нормы и расценки на его работы. Оказывается, он будет получать и за уход за пасекой, и за кормовой мед, и за товарный, и за создание новых семей, и за руководство пасекой. А это, пожалуй, будет много больше, чем он получал на трудодни, да к тому же тут и все возможности развернуться в деле по-настоящему.

— Ну, как, без сумленья? — спрашивает его свинарка.

...И вот вечер. Собрание в просторном зале колхозного клуба. Денисенков просто рассказывает людям о том, как партия вывела колхозное село на широкую дорогу жизни.

— А скажите, товарищ председа-тель, как будет с нормами выработ-ки на разных посевах льна? — спра-шивает колхозница Л. И. Тарасова.

Нечем? Есть чем. Есть навоз, есть торф, есть у нас известковые туфы. Но машин, чтобы добыть этот торф и известковые туфы, у нас нет. Нет их и в РТС. Тысячи тонн навоза погрузить тоже нечем: нет таких у нас для этого машин. Нечем, кроме вила, разбросать у нас навоз и на пашне. И вот из года в год у нас недокорм почвы и низкие урожаи. И вот из года в год у нас огромные затраты трудодней на ручную непроезжистельную добычу торфа и погрузку навоза, и в результате дорогой хлеб.

Встает кто-то еще и говорит о луговодстве, о пашне под лесом, о пастбищах, заросших кустом, и о том, что нет дешевых и надежных кусторезов, плугов для перепашки болотистых почв.

А вот встал, видимо, механизатор колхозный. Он говорит о нехватке запасных частей для ремонта машин, о деятельности сельхознаба, об РТС, которая пока не может брать только за выгодные ей работы, о покрышках для автомобилей...

За полночь длится собрание. Колхозная деревня обсуждает все, что позволит успешно двигаться вперед в предстоящем семилетии, план которого утвердит XXI съезд партии.

Сембен Усман

доктор и писатель,
Сенегал

Когда идешь через жизнь, то на каждой ее ступеньке встречаешь свой образ счастья, свою мечту о нем.

Я родился в Сенегале, на берегу африканской реки Казаманс. Подростком, вытягивая вместе с рыбаками моей деревни сети, я думал, что самое большое счастье — это прийти домой и знать, что в доме хватит ужина на всех.

Потом я стал городским рабочим. Я шел с работы, и меня встречали мерцающие огнями улицы с ресторанами и кино, на

дверях которых висели таблички. Они кричали мне в лицо: «Неграм вход воспрещен!» Неграм — в их собственной стране... Мне навстречу ковыляли дети на костылях, негритянские дети. Им негде было лечиться. В их стране. Потом улицы гасли, и за ними выползали мрачные скопища «бидонвилей» — поселков из кусков старого железа. Здесь жили негры. Жили так — в своей стране. И бесплотный, еще незримый образ счастья возникнул в моем воображении, озаряя школы, вставшие на месте тюрем, рабочие поселки, отеснившие «бидонвилли», и людей моей страны, самостоятельно вершащих ее порядки.

Потом я стал солдатом. Я сражался вместе с французами против фашизма. И тогда я знал, что счастье — это возможность делить участь товарищей. Общий свет по-

РАЗГОВОР

Галина
ШЕРГОВА

Где-то в неведомом обиталище родился Новый год. Он открыл глаза и увидел наш земной шар, по которому ему, новорожденному, предстоит совершить путешествие. И вот он зашагал, разговаривая на сотнях наречий, меняя в дороге шубу на тропический наряд. Он поскрипывает валенками под окнами сибирского села и шелестит пальмовыми листьями на дорогах Бразилии.

И, заглядывая в окна домов, он слышит, как люди встречают его и друг друга вечными, полными негаснущей надежды словами: «С Новым годом! С новым счастьем!» «С новым счастьем!» — говорят люди. Но всегда своим, особым значением наполнена эта новизна. Иногда в ней желание заново пережить счастье уходящего года, порой — надежда на новое, еще не посетившее тебя счастье.

Каковы же приметы счастья, его облик для каждого человека? Нет на земле одноликого счастья. И вот я спросила о нем у людей. Это были разные люди, из разных стран, люди разных профессий и возрастов. «Как вы понимаете счастье?»

Они говорили: «Счастье? Да то же, что и для вас самих, для всех людей: мир, успехи в работе, счастье в семье». Но мы говорили дальше, и тогда все ярче проступали за понятием личного счастья судьбы стран, народов, черты века, почерк времени. Конечно, это счастье — слышать, как во сне засмеялся твой ребенок, оттого что ему приснились его нехитрые радости. Это счастье — ощущать город, в тротуарах которого живут шаги любимого человека. Это счастье — держать в руках вещь, созданную твоим трудом, твоими исканиями.

Но в наш век счастье не сидит только за семейным столом, не замыкается кругом личного человеческого существования. Судьбы целых народов вторгаются в него. И потому только на свободной половине планеты оно обрело для людей конкретные черты их собственной жизни.

Полезам еще живет в страхе перед завтрашним днем, страхом за будущее детей! Это так из миллионов людей выжимаются сверхприбыли картелей и трестов. Там человеческое счастье раздавлено военной истерией и проповедями ненависти. И это для людей с той половиной планеты в словах «С новым счастьем!» — страстная и тоскующая надежда.

Вот что рассказали мне мои разные собеседники.

Фото
Риммы Лихач.

О СЧАСТЬЕ

Ульрих Кинаст

боксер, Федеративная Республика
Германия

Бывает, что это очень простая штука — счастье. Кто-то выиграл в лотерею — и вот, пожалуйста, он счастлив. У кого-то сын стал пер-

вым учеником — и счастливый отец гордо хвастается соседям.

Когда я четырежды завоевывал на ринге первенство Западной Германии, наверное, я казался себе самым счастливым человеком. И разве я не был счастлив тогда вечером в Дуйсбурге, когда в обнимку с моей девушкой мы все ходили и ходили! Тогда, в каюк помялки. Все просто.

Но вот я приехал в Россию.

Нацисты послали сюда во время войны моего брата Герхарда и моего дядю. Их пригнали в воинском эшелоне. Они не вернулись домой: их пригнали, чтобы убивать и умирать самим. А меня встретили десятки дружеских рук и сотни людей, ободривших меня на ринге.

Вечерами я мог вспомнить, как удивительно сияли глаза моей невесты, когда она провожала меня.

Чжао Цзю-чжан

профессор, метеоролог,
Китай

Представьте себе землю и небо, подвластные человеку. Человек посеял хлеб — и по его приказу небо шлет полям дождь. Человек собрал урожай — и хлеба вдоволь хватило всем людям: тем, кому подчиняется земля и ее недра, тем, кто заставляет их служить ему, свободному человеку.

Наверное, так и выглядит счастье. И вот я оглядываюсь вокруг и вижу мою новую, удивительную страну. В ней живут люди — удивительные новые люди: вчерашние батраки, которые научились варить чугуны, вчерашние революционные солдаты, которые пришли к нам в институты и делают поразительные научные открытия. Я вижу науку, которая вышла из тесных лабораторий, чтобы служить народу. Я вижу невиданные урожаи, которые выросли в этом году в моей стране.

И все-таки даже этим людям природа еще не до кон-

лодного моря, общая вода в котелке. Борьба с общим врагом. Общие идеалы человечности. И общий язык. Да, и язык француза был тогда языком товарища, он потерял для меня привкус «иностранца», который нес в детстве. Он утверждал людское братство. Я не думал тогда, что этот язык снова станет языком утешения для моего народа.

Теперь, когда мне тридцать пять, я знаю, что существует лишь одно слово, символизирующее счастье. Это слово — «свобода». Ибо оно вмещает в умах в каждом доме, и школы вместо тюрем, и человеческое достоинство. Когда-то, мальчишкой, я не понимал, почему в моей стране, желая счастья, люди жалеют его всем соплеменникам, даже незнакомым. А теперь я пишу об этом книги — о свободе и счастье мо-

его народа, без которого и мне нет счастья. В моей стране я не могу быть только писателем. Я должен работать, чтобы прожить. Я работаю донором, и мой труд дает еще и возможность ощущать мое собственное счастье: разговаривать с книжных страниц с моим народом, звать его к свободе, говорить миру о его страданиях.

ца сдалась на милость. Еще ливни и засухи своевольны. Потому мы объявили им войну. В этом году нам удалось некоторые опыты: на 120 квадратных километрах уже шли искусственные дожди. И довольно обильные — до 50 миллиметров. А в будущем году мы хотим, чтобы дождь по нашему приказу пролился на 10 тысячах квадратных кило-

метра с самолетов или «растреливаем» «мирными снарядами» с катализатором, ускоряющим конденсацию водяных паров. Конечно, это еще первые шаги. Но мы ищем и другие пути покорения неба и уверены, что найдем их: ведь мы не какие-нибудь одинокие экспериментаторы; с нами вместе трудятся государство, наш молодой Китай, наш народ.

И вот я думал: а перед Герхардом, когда он валялся в мокром окопе, наверняка, вставало залитое слезами лицо его любимой. Нет, это не так уж просто — быть счастливым. Видно, счастье — только тогда, когда на земле мир. И удачи без него нет. Без него нет любви, люди не понимают друг друга. Без него я сам не могу быть счастливым, даже обнимая свою невесту. Она работает на фабри-

ке перевязочных материалов. И разве будет она спокойна, зная, что этими бинтами через неделю где-нибудь в воинском блиндаже будут перевязывать раненых, может, и меня!

Спортсменам понятно, что такое интернациональная дружба и взаимопонимание. Если это чувство будет знакомо всем людям на земле, тогда каждый сможет пощупать счастье руками.

Божена Сметипрахова

работница Министерства просвещения, Чехословакия

Я женщина. А женщины — прежде всего мать. Люди часто говорят: «Дети — наше будущее». Но только матери знают, что это будущее ты растешь в своем ребенке изо дня в день, внушая ему добро, заслоняя от беды.

Думать о будущем меня научил город, в котором я родилась. Потому что это был революционный Кладно. О нем рассказывал Антонин Запотоцкий в романе «Красное зарево над Кладно».

У меня два сына. И мое будущее — в них. Я рада, что они уже сейчас узнали, какое счастье — социализм, свобода, что они полюбили Москву, родину социализма. Когда везла к вам, в Советский Союз, мой младший, Вацлав, упрямый взял его «в чемодан» — коть глазком взглянуть на эту волшебную Москву. Да, мои дети — мое будущее.

Но по своей работе я увидела сейчас в детях будущее всей земли. Мне приходится заниматься международными детскими лагерями.

К нам в Чехословакию съезжаются дети из самых разных стран. И вот видишь, как рождается дружба между маленькими албанцем и шведом, как мальчик из Бордо становится неразлучен с хаварковчанином. Слышишь, как чешские дети на прогулке скандируют приветствия в честь дня независимости арабского государства.

Но видишь и другое. Видишь, как неразумные взрослые заронили в детские души семена ненависти, пренебрежения к другим людям. Это тяжело — слышать, как какой-нибудь мальчуган из западной страны кричит о своем юном земляке: «Не хочу ехать в одном вагоне с красными!» Или как маленький француз, не желая вставать и завтракать в установленном время, бессмысленно повторяет родительские сентенции: «В ваших странах воинская дисциплина. Я не буду подчиняться».

И тогда я думаю: ну ужели пройдут годы и одни из них станут кричать об уничтожении других? Ну ужели с ними будет то же, что с моими сверстниками времен войны, когда молодежь Чехословакии 1921—1924 годов рождения была «подарена» Гитлеру в работу!

Но проходит месяц в лагере, все дети вместе танцуют на празднике и, обнявшись, распевают песни. Дети не виноваты. Некоторые взрослые должны поумнеть. Ведь рождается человек для дружбы, для мира. А дети и правда наше будущее, наше счастье. А счастье на земле надо растить.

Дзинро Ито

шахтер, Япония

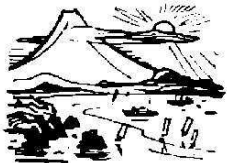
Ну, конечно, каждый мечтает о счастье. Но еще очень часто несчастья раньше входят в дома людей. Шахтеры Саппоро у нас, на острове Хоккайдо, знают, как горе стучится в окна. Оно стучит рукой соседки, которая кричит твоей жене:

— Беги на шахту, там опять обвал!

У нас это — обычное дело.

Много лет подряд, ожидая отца с работы, мать боялась, что поступит и к ней. У нас было одиннадцать детей у нее. Девятерых она убергла от шахты. Но одного из нас отец захотел сделать шахтером, чтобы продолжить его дело. Он послал на шахту меня, и тринадцать лет из

Ахмед Дияз-Дин

инженер-конструктор,
Объединенная Арабская Республика

Своих тридцати два я провел под землей.

Во время войны я узнал, что гора входит в дом и вместе с почтальоном, приносящим известие о смерти близкого. Трое моих родных были убиты тогда, один ранен — он болен до сих пор. Но и тому солдату, которому удалось вернуться живым, не было удачи: не получив специальности, он остался безработным.

Вы спросили меня о счастье, а я говорю о горестях людей. Но ведь именно они-то и стоят поперек пути счастья. Значит, счастье — это и государство, думающее о безопасности труда, это работа, любовь, это мир, мир, мир.

Да, счастье — трудная вещь, требовательная. И все-таки, когда я и моя жена Мицуз говорим о счастье, мы верим, что оно будет, потому что мы не просто ждем его, мы боремся за него!

Я видел, как она выходит из средневековья. Я видел, как отступает феодализм, как крестьянин борется за свою землю, как женщина получает право быть человеком. Я рассказал об этом в фильме «Наша заветная земля».

Да, это — мое счастье! Счастье художника — быть зеркалом и летописью своего народа! Если я проживу, создам картины, из которых люди узнают, что мой народ хотел мира, но умел сражаться за свои права, подобно защитникам Порт-Саида, что страна моя сумела преобразить свою экономику; если я создам фильмы, помогающие людям научиться уважать друг друга, тогда, обернувшись назад, я смогу сказать: да, я был счастлив!

И. С. Мухин

заместитель директора Института точной механики и вычислительной техники Академии наук СССР

Как известно, в старые времена для определения счастья составлялись гороскопы: вычислялось расположение звезд — и, пожалуйста, ваша судьба как на ладони. Но надо сказать, способ этот был довольно несовершенен: в распоряжении художников и предсказателей не было электронно-вычислительных машин, помогающих с предельной точностью предсказывать движение светил. Это была, так сказать, кустарщина.

Относясь с недоверием к художникам и гороскопам, в вычислительные машины я твердо верю. Действительно, сейчас нет области в науке, где бы они не трудились. И хотя наши машины и в самом деле смогут точно рассчитывать движение планет, я не берусь составлять гороскопы. Но думаю, что уже сейчас можно предвидеть, какую роль в человеческом счастье сыграют новые науки, и в частности кибернетика.

Вот перед нами необозримость семилетнего плана, в просторах которого встают уже осязаемые черты коммунизма. И нам, ученым, хочется хоть в какой-то степени помочь созданию изобилия жизненных благ, знаний, человеческих радостей, которыми будет отмечено это время.

К концу семилетия, мы надеемся, наши машины смогут выполнять не 10 тысяч операций в секунду, как сейчас, а до миллиона. Тогда будет возможно безупречно точное управление производственными процессами и транспортом, скажем, автоматизированная очередность посадок самолетов на аэродромах — ведь в небе будет тесно. При помощи справочно-информационных машин можно будет получить справку в любой области знания.

Но все это — служебное дело, главное то, что человек будет все больше освобождать свою мысль от утомительных механических процессов для истинного творчества. А ведь именно творчеством должно быть наше «завтра». Потому что нет счастья выше настоящего творчества.

Вот если советские ученые смогут хоть как-то способствовать приближению этого «завтра», смогут помочь расширению человеческого счастья, я буду абсолютно счастлив.

Что же касается счастья лично, то, им я обладаю в полной мере и хочу только сохранять его неизменно. Чего желаю и всем моим согражданам.

Элиас Шароян

рабочий-обушник, Уругвай

Только что я видел счастье в лицо. Теперь я знаю его облик, его голос и смех.

Я родился в старой Армении, в той ее части, что была под турецким игом. К четырем годам я потерял родителей, погибших под обстрелом.

Я много мечтал по свету. Я добрался до Уругвая и прожил тут большую часть жизни. Рядом со мной жило много армян, но у нас не было родины. Не было родины, так как культура моего народа, самобытность его, права народа полирились каждый день. Те, кто не ощущал этого, не знают, какое это счастье — родина.

И вот я увидел, как выглядит счастье. Я побывал в Советской Армении. Теперь я знаю, что оно живет в новых домах из бело-розового камня, построенных для рабочих, в залах библиотек и научных институтов, где древняя армянская культура бережно переплетается с открытиями завтрашнего дня. У этого счастья был голос заводских гудков, народные песенные ансамбли. Оно смеялось счастливым смехом детей во Дворце пионеров. И, видя это счастье, я не мог не думать о моих детях, о моем четырнадцатилетнем Хорхе, которого я должен послать работать, потому что нет денег учить его.

Я не только увидел счастье в лицо. Я узнал, как оно называется. У него несколько имен: Родина, Социализм, Мир.

Нет. Нет одноликого счастья. Когда-то Лу Синь в повелле «Моление о счастье» рассказал о жителях старой китайской деревушки, которые в новогоднюю ночь, озаренную взрывами ракет и хлопушек, молили небеса о скупном и неверном счастье. А теперь профессор Чжао Цю-чжан и его друзья в кахун Нового года мечтают приказывать небу.

В поисках счастья сограждане сенегальца Сембена Усмана встают, чтобы захлопнуть дверь страшному прошлому, а москвич Иван Мухин уже распахнул окно в будущее, чтобы завтрашнее счастье сегодня стало действительностью.

И только сейчас, когда независимость пришла в Египет, Ахмед Дияз-Дин смог рассказать миру о том, на что способен освобожденный народ.

Потому и не было среди моих собеседников ни одного, кого не волновали бы думы о мире, в котором главный залог счастья.

И потому, что мы верим, что счастье станет хозяином на всей планете, мы говорим сегодня: «С Новым годом! С новым счастьем, дорогие жители земного шара!»

Ракетные базы?

-Нет!

Мы получили английский журнал «Сфир». В нем помещен фоторепортаж о событиях в городе Суоффем, графства Норфолк. Здесь строится вторая в Англии площадка для американских ракет «Тор» с атомным зарядом. Многие простые англичане, узнав о зловещем строительстве, колоннами двинулись из разных городов к Суоффему, чтобы выразить свой протест, остановить руку тех, кто размакивает атомным оружием (фото 1). Толпы людей заградили дороги, ведущие к месту строительства базы. Некоторые лопнули на землю, чтобы задержать грузовики, везущие строительные материалы. Полиция и служащие Королевских ВВС пробовали разогнать демонстрантов, сбивали их с ног, обливали водой из шлангов. После этого некоторых пришлось отправить в больницу (фото 2).

Но несколько десятков демонстрантов сумели пробраться на территорию самой базы сквозь проволочные заграждения. Они окружили работающую бетономешалку, пытались остановить ее (фото 3). Чтобы узнать подробности о событиях в Суоффеме, мы позвонили в муниципалитет этого английского города. И аппарату подошел секретарь муниципалитета Джеймс Дани.

— Скажите, пожалуйста, спросили мы у секретаря, как проходила демонстрация против строительства американской базы?

— Это была совершенно мирная процессия. Люди подошли к территории базы, выразили свое мнение по поводу ее строительства и ушли.

— Мы читали в английских газетах и журналах, что часть демонстрантов проникла на территорию строительства и пыталась помешать работам.

— Да, демонстранты старались остановить бетономешалку.

— Если демонстрация была мирной, то чем объяснить серьезные полицейские меры против нее?

— Их не было. Все прошло мирно и спокойно, без всяких эксцессов,— ответил заверкая чиновник муниципалитета.

— Но перед нами лежат фотоснимки, помещенные в английский журнал и газетам. Полиция обливала демонстрантов водой из шлангов, полицейские швыряли людей в грязь, разгоняли их.

— Я ничего не знаю об этих фактах,— после короткой паузы говорит секретарь муниципалитета.

— А что стало с теми участниками демонстрации, которые были помещены в больницу после столкновения с полицией?

— Мне ничего не известно об этом,— с отчаянным постоянством отвечает наш собеседник.

— Разрешите задать последний вопрос, господин Дани. Каково ваше личное отношение к строительству американских ракетных баз на территории вашей родины, в частности вблизи вашего родного города?

На другом конце провода несколько мгновений молчат, затем слышится неохотный ответ:

— Я правительственный чиновник. Мое дело — поддерживать действия правительства, а не препятствовать им.

— Спасибо, господин Дани, за чрезвычайно интересное интервью. Во свидании.

Мы благодарим Джеймса Даниа вполне искренне: хотя ответы его, мягко говоря, «не очень точно» воспроизвели события в графстве Норфолк, но зато слова муниципально-го секретаря вполне точно повторяют, в каком дружественном отношении находится правительственные чиновники Англии, чье дело — поддерживать действия правительства. Видно, Джеймс Даниа чувствует стыд за поступки полиции и военных властей. Только этим мы можем объяснить «светлую ложь», услышанную нами с другого конца провода. Репрессии полиции не остановили протестов. Воля англичан, желающих видеть свою страну свободной от американских баз, крепко полицейский дубинкой. Недавно состоялась новая демонстрация в Суоффеме, на которую власти отпустили многочисленных арестованных.

Вечером 23 декабря лондонскую улицу Даунинг-стрит, где расположена резиденция премьер-министра Англии, заполнили толпы демонстрантов. Они требовали освобождения арестованных в Суоффеме. Крупные силы полиции преградили путь к резиденции премьера. Снова расправы, аресты. Но борьба против ракетных баз продолжается...

Свободу Манолису Глезосу!

Наш греческий патриот хорошо известно не только у него на родине, но и далеко за ее пределами. В годы гитлеровской оккупации Греции Глезос вел героическую борьбу против фашистов. Это он сорвал с Акрополя грязную тряпку со свастикой и воздвиг на ее место греческий национальный флаг. Гитлеровцы заочно приговорили Глезоса к смертной казни.

Вторая мировая война закончилась победой над германским фашизмом, но греческий народ не получил долгожданной свободы. Глезос вновь был приговорен и смертно за демократические убеждения, на этот раз греческим военным трибуналом. Жизнь шуместного патриота была спасена массовыми протестами в Греции и во всей мире.

После освобождения из тюрьмы Глезос остался верным себе. Он с еще большей активностью участвует в демократическом движении своего народа. Он один из лидеров Единой демократической левой партии, директор газеты «Аги».

5 декабря Глезос вновь был брошен за тюремные решетки. Это верный знак того, что в Греции усилился поход против демократических сил страны.

Волна протестов против ареста Манолиса Глезоса поднимается в Греции все выше и выше.

Свободу Манолису Глезосу!

Делегаты голосуют: «Долой империализм и колониализм! Свободу Африке!»

«Саваба! Аблоде!»

О. ОРЕСТОВ

Фото В. Мартена (ГДР).

Эти два слова имеют одно и то же значение: «Свобода!». Первое — на языке хауса (Нигерия), второе — на языке зве (Того). На исторической Конференции народов Африки, проходившей в декабре в Аккре, их можно было видеть и слышать повсюду.

Я разговаривал с делегатом Нигерии В. Файеми и упомянул, что по-русски «саваба» произносится «свобода». Он был чрезвычайно взволнован: — Вы заметили, что в обоих словах один и тот же звук: С, В и Б? Это — удивительное совпадение, о котором я расскажу дома всем друзьям. А впрочем, зачем удивляться!

По-моему, следовало бы на всех языках мира одинаково произносить это слово: ведь для всех оно означает счастливую жизнь, без угнетения. Саваба, мой друг! Шумно и радостно было в дни конференции в небольшом городке, которому исторически предназначалась роль политическим центром для всей Африки.

Трудно было найти в Ан-

Премьер-министр Кваме Нкрума среди членов советской делегации на Конференции народов Африки. Фото А. Дек (Гана).

кре подходящий зал, который вместил бы триста делегатов и всех гостей. Остановились на здании, принадлежащем муниципалитету Аккры. Те, кому не досталось места в главном зале, расположились в соседних помещениях, где стояли репродукторы.

Один за другим поднимались делегаты на трибуны и рассказывали своим братьям о положении на родине. То и дело из зала доносились гневные возгласы: «Позор! Позор!», — когда делегат рисовал трагическую картину жизни колониальной территории.

Непреодолимой по жестокости и средневековой тупости, португальский империализм до сих пор сохраняет в своих колониях рабство. Ангола и Мозамбик отделены от мира непроницаемой завесой. Даже жители соседних африканских стран не могут проникнуть на их территорию.

Делегат Анголы не выступил, хотя он и присутствовал на конференции. Он был вынужден скрывать свое имя. Но его речь была прочитана с трибуны, а затем озвучена делегатам. Она была озаглавлена: «Трагедия Анголы».

Большинство жителей Анголы не являются гражданами своей родины: они «туземцы», лишенные прав. Им не разрешается передвигаться даже в черте города без особого пропуска. Полиция нередко совершает набеги на деревни, чтобы набрать «контрактос» — людей, которых направляют на принудительные работы. У местных крестьян отобраны плодородные земли, и они загнаны в засушливые, нездоровые районы. Нищета, гнет заставляют ангольцев брать с родной земли. Самые милые жители Анголы живут в эмиграции.

«Трагедия Анголы», — говорил в заключении речи,

хорошо известна миру. Но народ Анголы с горечью задает вопрос: почему же молчат все международные организации и прежде всего ООН?»

С затененным дыханием слушали делегаты и рассказ представителя Южно-Африканского Союза. Сколько лет, сколько раз вопрос о расовой дискриминации в ЮАС обсуждался в Организации Объединенных Наций! И всякий раз колониальные державы брали под свою защиту южноафриканских фашистов.

Делегаты нескольких стран требовали на конференции, чтобы народы Африки объявили полный бойкот Южно-Африканскому Союзу, перестали покупать товары в ЮАС.

Представительница Женского демократического союза Камеруна Марта Уанди говорила о тяжелом положении женщин в колониальной стране, о том, как они вместе с мужчинами борются за свободу. Пятьдесят тысяч патриотов брошены в концентрационные лагеря. В одном только лагере Ньялон находится три тысячи пятьсот человек, из них две трети — женщины и дети. В районе Самага расположено шестнадцать лагерей, где люди гибнут, и никто не знает об их судьбе.

Однако рассказы об угнетении и страданиях не породили на конференции пессимизма. Нет, они вызвали новую волну возмущения и укрепили решимость представителей двухсот миллионов африканцев усилить борьбу за свободу.

Делегаты говорили: «Народы Африки, объединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своих целей. Вы можете владеть целым континентом. Мы слышим звук трубы: Африка идет вперед! Мы приняли решение: Африка должна быть свободна не завтра, а сегодня!»

Народ Ганы проявил исключительное гостеприимство по отношению к делегатам конференции. Поскольку размещение гостей было нелегко, десятки жителей столицы предложили свои комнаты делегатам, а сами переехали на эти дни к родственникам.

Когда секретарь конференции, лидер ганских профсоюзом Д. Теттега читал список лиц, пожертвовавших деньги конференции, его прервали бурные аплодисменты. Оказывается, маленький школьник из Аккры принес в секретариат свои сбережения — 1 шиллинг.

Много было в Аккре желающих посетить конференцию, но зал не мог вместить всех. Поэтому руководство Народной партии Ганы созвало в центре города, на площади Арена, массовый митинг, на котором выступали главы ряда делегаций.

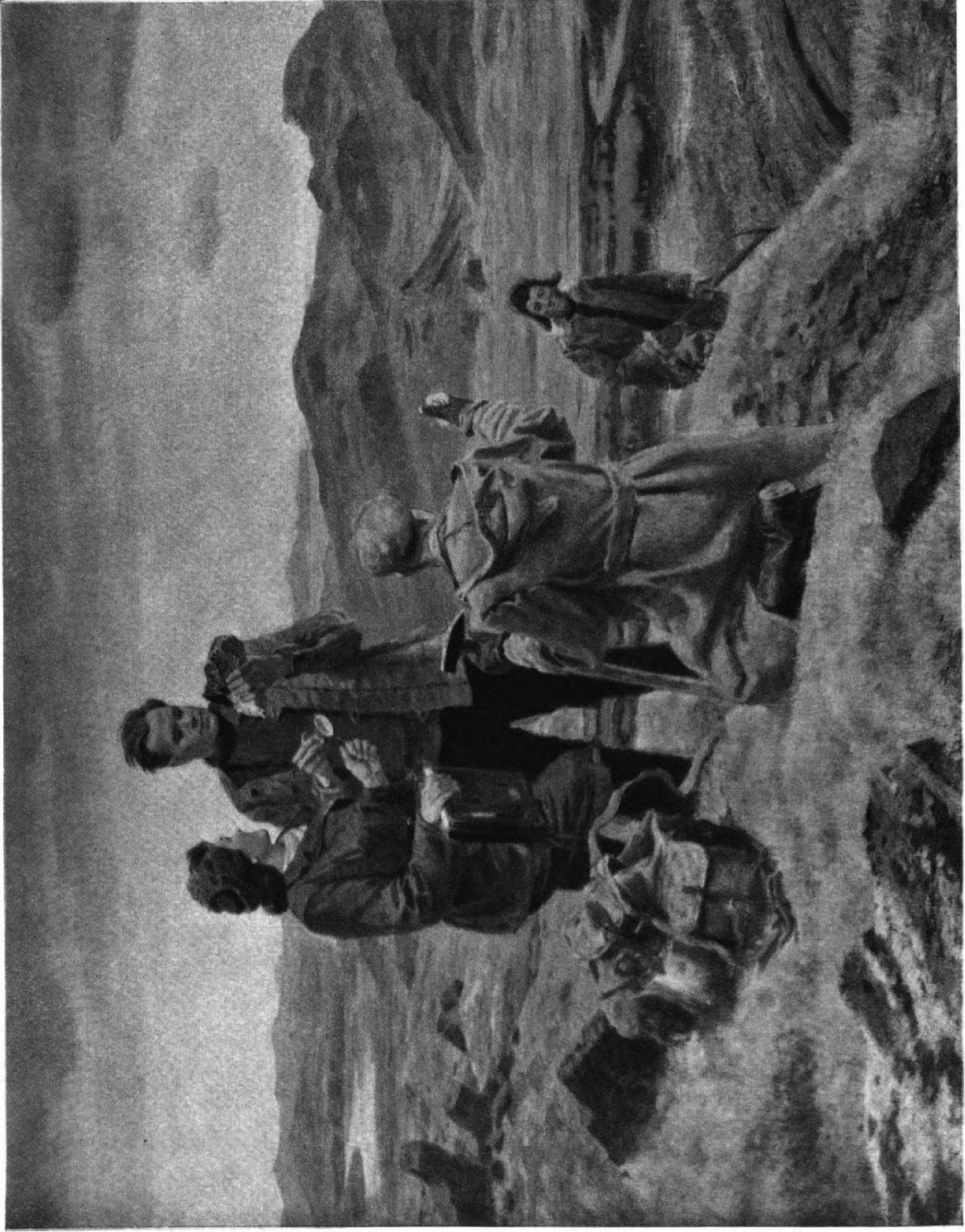
С интересом слушали тысячи людей выступление главы братской делегации из Советского Союза, ректора Туркменского университета П. Азимова. Он рассказал о достижениях Советского государства и своей родной Туркменской республике, о той симпатии, которую питают советские люди и борющиеся народы Африки. Участники митинга долго вполдировали, когда П. Азимов вручил председателю собрания маленькую модель советского спутника и заключил свою речь словами:

— Да здравствует дружба между народами Советского Союза и Ганы!

Молодежь Ганы встречала делегатов боевыми лозунгами: «Руки прочь от Африки!», «Независимость немедленно!» Этот юноша держит плакат с надписью: «Да здравствует африканский социализм!»

С. Л. Фролов (Москва). СОВЕТСКИЕ ГЕОЛОГИ.

Вессоная лудоимственная выставка, посвященная 40-летию ВЛКСМ.
«Станица»

г. Э. Сателъ (Москва). СОРМОВСКИЕ СТАЛЕВАРЫ А. МАЗИЛОВ, П. ПИНАЕВ, Н. КОЖИРНОВ.

МЫСЛИ ПОД НОВЫЙ ГОД

Имя ЭРЕНБУРГ

Жизнь на свете пестра, и одна страна не похожа на другую. В Рио-де-Жанейро сейчас стоят самые знойные дни, и в ночь под Новый год бразильцы трудно выпить стакан вина — ледяная вода прелезательная. Японские рыбаки сушат неводы, рабочий Детройта стоит у конвейера, ремесленник Мадраса мастерит ведро из жести, французские рантье в продовольственных кафе обсуждают, кто кого одолевает: генерал де Голль или микши голлистов или эти последние генерала, а Буэнос-Айресе говорят о забастовке железнодорожников, итальянцы смеются над Фанфани, а в Стокгольме люди, сев за праздничный стол, пьют минеральную воду и молча друг другу улыбаются, как то положено добропорядочным шведам. Кажется бы, нет ничего общего у людей на нашей небольшой, но весьма разнообразной планете, а между тем есть одно пожелание, близкое каждому: все люди тотят мира.

Когда-то война была делом профессионалов: в поход шли герцоги или князья с небольшими отрядами. Простые люди мечтали об одном: пусть дерутся где-нибудь подальше, чтобы дома не вытоптали поле и солдаты не забрали живности! Когда появились пушки, горожане стали озабоченно спрашивать друг друга, по какой дороге пойдет армия. Чего доброго, ядро попадет в дом. Потом начались большие войны: людей забирали в солдаты, пленяли матери, жены. Был, однако, тыл, где можно было отсидеться, и тыловники не понимали фронтовиков. Прошла еще четверть века, бомбы начали крушить города. Из промышленных центров люди убежали в глухие села. В Нюрнберге, не умолкая, шли сирены, а в тридцати километрах от города крестьяне высаживали рассадку помидоров.

Теперь любой человек понимает, что если начнется атомная война, она будет губительной для всех; увеличивший от бомбы сможет год спустя умереть от рака крови... Радиотоксические яды не посчитаются ни со званьями, ни с увольнительными билетами, ни с мажоритарностью. Жюлио-Кюри говорил, что люди быстро победили чуму и холеру, хотя медицина в те времена была еще в стадии младенчества, потому что эпидемии косили и холопов и королей, и бедных и богатых. Чуть услаиваясь, он добавлял, что, будь нищета заразительна, люди давно бы с ней справились и что человечество не допустит атомной войны именно потому, что она грозит всем.

Никого не удивит, что силы мира растут. Есть большое и широкое движение, которое родилось десять лет назад. Движение сторонников мира. К нему примыкают люди различных стран, различных профессий, различных верований. Недавно мы проводили в последний путь председателя Движения Фредерика Жолио-Кюри — весь мир с уважением и признательностью вспоминает великого ученого и великого человека, отдавшего свою жизнь за счастье людей. В Движении сторонников мира много прославленных людей. Профессор Джим Бернал — крупный физик-кристаллограф. Пикассо — великий художник нашего века. Стихи Пабло Неруды переведены на множество языков. Доктор Сомаев известен всей Индии борьбой против эпидемий. Лауреат Нобелевской премии Лавинск — один из больших романистов современности. Труды бразильского ученого Жозуэ де Кастро, специалиста по вопросам народного питания, были высоко оценены Организацией Объединенных Наций. Профессор Боннар — вдохновенный эллинист. Рядом с этими, известными всем людям в Движении участвуют десятки миллионов мужчин и женщин: горняки Уэльса и студенты Токио, буддийские священники и последователи философии Ганди, пастухи Аргентины и врачи Швеции. О значении этого

Движения говорят теперь и его противники: один из военных специалистов Соединенных Штатов в книге, посвященной защите идеи «локальной войны», пишет, что Стокгольмское воззвание помешало в свое время применить в Корее атомное оружие. Однако, как ни сильно Движение сторонников мира, на земле куда больше сторонников мира, чем участников этого Движения. В ряде стран создано мнение, что Движение сторонников мира отличается узкой идеологией и пристрастными оценками. Я сейчас не стану спорить с людьми, которые так рассуждают. В конечном счете самое важное — оградить мир, бороться за мир, а в каком движении или в какой организации человек за него борется, дело не столь уж существенное.

Расскажу о примере маленькой страны, которая нам близка и по географическому положению и по душевным качествам ее народа. Движение сторонников мира в Норвегии не было широким; оно было движением одной политической партии. Год назад судья-пенсонер Карл Бониван решил созвать конференцию против атомной войны. Средства у него не было, но его звали в стране как честного и смелого человека; он сам писал приглашения, сам отослал письма по почте. Осенью конференция состоялась (я присутствовал на ней в качестве гостя). Пришли депутаты стюарта и представители профсоюзов, рабочие, крестьяне, священники, инженеры, студенты. Председатель Внешнеполитического комитета парламента Финн Му говорил о необходимости ослабить «холодную войну», прекратить гонку атомных вооружений, найти путь к разумным соглашениям, к подлинному миру.

Как-то внезапно в Англию сплынуло сильное движение, тоже не имевшее связи с Движением сторонников мира; началось «Походы мира» — шли углекопы и пасторы, ученые и ткачи, домашние хозяйки и металлурги. Философ Бертран Рассел выразил возмущение всего английского народа ядерным оружием и атомными испытаниями. Большая группа депутатов лейбористов открыто потребовала покончить с той опасной затеей, которую один из затейников откровенно определял как политику «на грани войны».

Большие сдвиги происходят в общественном мнении Америки. Еще недавно средний американец верил, что накопление ядерного оружия и различные военные «планы» или «доктрины» предохраняют его от «красных». Крупные американские ученые открыто заявили, что атомные взрывы опасны для обитателей земного шара, в том числе для американцев. Радостой американец задумался над природой ядерного оружия, которое газеты долго расталкивали, и он понял, что водородная бомба не щит, а скорее бумеранг, и что если швырнуть ее за тысячи миль, то взорвется и Америка. Многие влиятельные американцы — политические деятели, ученые, промышленники — в течение последнего года посетили Советский Союз; они убедились, что мы заняты налаживанием своей жизни и что никто у нас не помышляет о нападении на Америку. По ряду вполне понятных причин в Соединенных Штатах нет Движения сторонников мира, но там теперь наблюдается сильное движение в пользу разрядки международных напряженностей, и такой перелом может оказаться решающим: ведь даже немечие равновесия сразу ослепеет, если в Соединенных Штатах одержит верх идея мирного сосуществования и сотрудничества.

Слов нет, если раскрыть газету или послушать радио, кажется, что ничего на свете не изменилось, а если изменилось, то к худшему: что ни день объявляют о новых смертоносных изобретениях, произносятся воинственные речи, устраняют военные совещания. Но

это обманчивая видимость. Если требуется время для того, чтобы идея философа дошла до сознания миллионов людей, то необходимо и время, чтобы воля миллионов дошла до сознания правителей. Речи г-на Даллеса в 1958 году мало чем отличались от его речей в 1953 году, но тогда мы слышали первые раскаты грома, а теперь это скорее зло уходящей грозы.

Дипломаты пишут ноты, судьи или взыскательные, журналисты пишут статьи, хлесткие или патетические, а простые люди утром едут на работу — в автобус или в метро, — они бегло проглядывают газеты, а потом трудятся — у станка, в боре, в лаборатории. Они ничего не пишут, кроме писем своим родственникам и друзьям, но они умеют и думать, и говорить, и с ними придумается считаться не только редакторам газет, но и начальникам генеральных штабов. Теперь простые люди не только в Москве или в Дели, но и в Лондоне или в Нью-Йорке, отложили газету, говорят, что пора наконец-то покончить с «холодной войной», перестать жонглировать водородными бомбами, заняться не подготовкой к смерти, а борьбой против смерти, тратить деньги, труд, вдохновение не на планы уничтожения чужой страны и чужих порядков, а на то, чтобы украсить свою страну и улучшить свои порядки.

Всем понятно, что торговые отношения между государствами — это не благотворительность и не неудовольствие: одни продают нефть и покупают машины, другие продают целлюлозу и покупают шерсть, третьи продают мясо и покупают уголь. У каждой страны есть свои статьи экспорта и свои потребности в сырье или в продукции других стран. Любой американский коммерсант понимает, что выгоднее торговать с большим количеством клиентов, чем с меньшим. «Холодная война» препятствовала экономическому обмену. На Западе часто поговаривают о возможности кризиса. Я не экономист и не берусь судить, насколько такое предсказание точно, но одно мне ясно: интересы английских, бельгийских, шведских, да и американских промышленников и, конечно же, интересы всех рабочих, занятых в промышленности западных стран, требуют преодоления «холодной войны», требуют экономического сотрудничества.

Наука в наше время развивается так быстро, что, пожалуй, авторам научно-фантастических романов придется перекалцифицироваться: пока литератор придумает, пока напишет, утопия станет действительностью. Однако ученые хорошо знают, что «холодная война» угрожает их работе. Над проблемами атомной физики одновременно работали англичанин Резерфорд, француз Фредерик и Ирен Жолио-Кюри, итальянец Ферми, датчанин Нильс Бор, немец Гей, и, когда в послевоенные годы наметилось стремление засекретить научную работу, Жолио-Кюри назвал это «опасным безумием». Американский математик Винер в интересной книге о кибернетике, которая недавно переведена на русский язык, также отвергает попытку разединить работу ученых различных стран. Но очень трудно топтаться «на грани войны» и поощрять международное сотрудничество ученых. Нужно или вернуться к пещерному веку (чому, разумеется, могут сильно способствовать водородные бомбы), или покончить с «холодной войной».

Не менее важным мне кажется сотрудничество писателей, музыкантов, архитекторов, художников, кинематографистов: ведь никого природа не оделяет всеми талантами и нет избранных народов; издана гении обогащали мир и сами вдохновлялись чужим творчеством. Лев Толстой говорил, что он многое по-

ия, прочитав роман Стендала, а Ромен Роллан писал, что без Льва Толстого он не представляет себе дальнейшего развития мировой литературы. Разве Рембрандт раскрыл глаза только голландским живописцам? Разве Дон-Кихот не обошел весь мир? Разве Байрон и своими стихами и всем своим обликом не вдохновили поэтов Европы?

Мы сделали много для того, чтобы расширить культурные связи с миром. Американский пианист вызывал восхищение москвичей. Выставка японского декоративного искусства пользовалась большим успехом. Мы оценили смелость и человечность многих итальянских кинокартин. Переводы книг Хемингуэя и Грина, Моравиа и Сарояна нашли благодарных читателей. Над расширением культурных связей с другими народами энергично работают созданные недавно различные «Общества дружбы». (Я принимаю участие в одном из этих обществ и радуюсь, что нам удалось организовать в Москве выставку чудесного французского пейзажиста Марке.)

Если «железный занавес» кажется некоторым дипломатам настолько тяжелым, что они даже не пытаются его приподнять, то народы, любя мир, жизнь, культуру, сумеют пробить дыру в этом занавесе. Очень хорошо, что все больше и больше советских туристов ездят в близкие и далекие страны. Они видят немало замечательных произведений искусства, встречаются с чужими людьми, перед ними оживают страницы прочитанных прежде книг. Очень хорошо, что и к нам приезжает много иностранных туристов. Они видят нашу жизнь, наше миролюбие. Они могут извлечь для себя пользу из того, что им понравилось. Конечно, не всем и не все нравится. Что же, пусть критикуют: если они скажут про наши недостатки, это нам будет только пользой — со стороны порой виднее. Если же они будут осуждать нас за то, что мы — это мы и наши порядки не похожи на американские, мы ответим им старой французской поговоркой: «Угольщик у себя дома козлина».

Успех Брюссельской выставки, нашего балета в различных странах, прием, оказанный советским виртуозам, гастроли в Москве англичан и французев, различные кинофестивали показывают, что нормальные люди предпочитают увидеть хорошее — свое или чужое, — чем осуждать то, чего они не видели и не

знают. Есть, конечно, на свете несправедливые шовинисты и неизлечимые невежды. Недавно я прочитал в американском журнале статью, где автор как бы мимоходом пытается уверить своих читателей, что русские вот уже полвека, как не создали ничего крупного ни в литературе, ни в искусстве. А поэзия Блока? А Горький, которого знают и любят на Западе? А Маяковский! О нем можно сказать, как о Байроне: его поэзия и весь его облик вдохновили зарубежных поэтов. Можно напомнить, что работы Стениславского и Мейергольда во многом определили дальнейшее развитие западноевропейского театра, что без имен Эйзенштейна, Пудовкина, Довженко трудно себе представить мировую кинематографию, что музыка Прокофьева и Шостаковича — одно из крупнейших художественных явлений XX века. Впрочем, смешило спорить с человеком невежественным или недобросовестным.

У нас не может быть такого подлога и культуры других народов: мы — интернационалисты, и невежество у нас не ценится. Именно поэтому я должен признаться, что недавно меня огорчила перепечатка одной ведомственной газетой (с сочувственным примечанием) статьи канадского реакционного художника, в которой он развязно именует Сезанна и Ван-Гога «мистификаторами». Это не только обидно для чувства национального достоинства французам и голландцам, это обидно и для советского читателя. Можно подвергать творчество Сезанна или Ван-Гога, как других мастеров XIX века, серьезному социальному и эстетическому анализу, но называть их «мистификаторами» вред ли пристойно. (Добавлю, что работы названных художников висят в Эрмитаже и в Музее имени Пушкина, где, насколько я знаю, мистификаторам нет места.) Я упомянул об этой неприятной случайности, чтобы подчеркнуть наше твердое желание противопоставить климату «холодной войны» дух подлинного культурного сотрудничества и честного соревнования.

Хотя от природы я не обладаю запасами оптимизма, мне кажется, что перелом в мировом общественном мнении наметился. Все сторонники мира — и те, что начали борьбу вместе с Жюлио-Кюри, с Ивом Фэржем, и те, что примкнули к Движению впоследствии, и те, что не хотят слышать о Движении, но бо-

рются за мир доступными им средствами, — выполнили огромную работу. Женевские совещания вынуждают теперь прислушиваться не только к директивам правительства, но и к требованиям общественного мнения.

Какая будет радость для всех народов, когда г-н Даллес и его сторонники вместо любованной ими позиции «на грани войны» будут писать мемуары или разводить петушии в одном из сорока девяти штатов; когда вместо атомных взрывов народы совместно начнут открытие иных планет; когда по радио будут передавать не речущие слух заявления и ноты, а музыку, рассказы о последних научных достижениях, отчеты о новых постановках! Пора кончить с отвратительной «холодной войной»!

Жизнь, как только победят сторонники мира, станет легче, светлее, чище. Научный прогресс принесет материальное благополучие. Но человеку, если он только хочет называться человеком, этого мало. Теперь в Америке увлекаются кибернетикой — наукой о «мыслящих машинах». По словам профессора Винера, можно сделать машину, которая будет играть в шахматы не хуже радювого шахматиста. Винер добавляет, что, конечно, такая машина не сможет играть, как большой мастер, — от нее нельзя ждать тех неожиданных ходов, которые кажутся сначала ошибкой и которые свидетельствуют о творческом гении. Если человек может создать любовь, даже самую фантастическую машину, то машина никогда не сможет заменить творчество человека.

Без искусства, без полета и крыльев жизнь приземляется, становится серой, грубой. Ромен Роллан, рассказывая о гениальном человеке эпохи Возрождения, Микеланджело, который был скульптором, живописцем, архитектором и поэтом, пишет: «Я не думаю, чтобы все люди могли жить на таких вершинах. Но пусть хотя бы раз в год они совершат туда паломничество, они обновят дыхание и кровь. Они возвратятся в долины с сердцем, закаленным для повседневной борьбы. Раз в год. Может быть, под Новый год? Задуматься над самым важным, прочесть прекрасные стихи или послушать высокую музыку, попытаться взлететь, окинуть взглядом и прошлое и настоящее, заглянуть в будущее...

Из писем родным и друзьям

Когда год подходит к концу, приятно оглянуться на пройденный путь, вспомнить самое хорошее, самое радостное... Об этом говорят с друзьями, об этом вспоминают за праздничным новогодним столом, об этом пишут письма...

Редакция обратилась к своим читателям с просьбой: познакомьте нас, если это не секрет, с вашими новогодними письмами родным и друзьям.

И вот с согласия авторов мы публикуем на страницах журнала часть этих писем.

Спасибо за учебу!

Енашево, металлургический завод,
главному инженеру Н. М. МНЦЕНКО

Вспоминаю, как перед моим отъездом на родину — в Грузию — вы пожелали мне самого лучшего, что только может желать рабочий человек: отлично плавать чугун.

Прошло четыре года, и ваше пожелание сбылось. В этом году Указом Президиума Верховного Совета СССР мне присвоено звание Героя Социалистического Труда. Высшая эта награда принадлежит и вам, Николай Михайлович, и другим значащим — моим воспитателям, и молодым грузинским доменикам, которые начинают теперь в нашей республике соревнование бригад коммунистического труда.

Вместе со своей семьей, в которой растут нам на смену еще два «юных доменика» — сыновья мои, Эдуард и Юрий, — шлю вам из Рустави дружеский новогодний привет.

Вардиш КОБЕРИДZE,
старший мастер доменной цеха Закавказского
металлургического завода имени Сталина.

Рустави.

Вардиш Коберидзе с сыновьями Эдуардом и Юрием.

Персональная выставка

Калининград, Морское агентство,
Австрийскому
ЛАРЬОНОВУ

Рабочий 2-го автобусного парка
Л. Ларьонов на выставке своих
работ.

Дорогой брат!
Пишу тебе в свободную минуту, перед занятиями в изостудии. Рад сообщить, что минувший 1958 год ознаменовался большим событием в моей жизни. За работы, показанные на Ленинградском весеннем фестивале искусства, я награжден иономом. А в последние дни 1958 года в Выборгском доме культуры открылась моя персональная отчетная выставка. В большом зале показано свыше ста полотен, написанных мною за последние шесть лет. На обсуждении выставки, в котором участвовали художники-профессионалы, я услышал много теплых слов, деловых критических замечаний и хороших напутствий. Хочется работать еще серьезней, еще лучше отображать нашу действительность. Сейчас пишу этюды, работаю над эскизом большой тематической картины.

Поздравляю тебя и Клаву с Новым годом, желаю вам счастья и успехов в труде!

Ленинград.

Твой ТОЛЯ